

Б.Н.Ковалев

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДИСКУССИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

О роли химии как науки и перспектив возможного развития отечественной химической промышленности неоднократно поднимались вопросы в дискуссиях во время заседаний Государственной Думы Российской империи. В это время особую роль стала играть тесная взаимосвязь между наукой и производством. Многие военные понимали, что грядущая война будет сильно отличаться от того, что было раньше. Роль в ней будут играть не только люди, но и принципиально новая техника. Также гораздо активнее предполагалось использовать достижения науки. Одним из самых страшных символов той эпохи стало использование воюющими странами химического оружия: отравляющих веществ. Несмотря на то, что уже с 1915 года химическое оружие стало широко применяться на фронтах, Россия оказалась к этому практически не готова. Страна испытывала острый дефицит кадров специалистов.

Ключевые слова: Государственная Дума Российской империи, Первая мировая война, химическая промышленность, военные преступления, политехническое образование

В начале XX века Россия стала заметно отставать от развитых европейских стран в использовании на практике новых технологий. Все эти проблемы были вызваны не только отсутствием необходимого количества производственных площадей и подготовленных специалистов, но и недооценкой со стороны правительства важности развития собственного современного производства. В это время особую роль стала играть тесная взаимосвязь между наукой и производством.

О роли химии как науки и перспектив возможного развития отечественной химической промышленности неоднократно поднимались вопросы в дискуссиях во время заседаний Государственной Думы Российской империи. Осознавая неизбежность грядущей войны, особое внимание уделялось обороноспособности государства. Постепенно росли военные расходы. Многие военные понимали, что грядущая война будет сильно отличаться от того, что было раньше. Роль в ней будут играть не только люди, но и принципиально новая техника. Также гораздо активнее предполагалось использовать достижения науки.

20 марта 1910 г. Главное Артиллерийское Управление Российской империи представило на рассмотрение думцам не только традиционные статьи своих расходов, к которым относились: перевооружение полевой артиллерии, содержание, ремонт и хранение артиллерии и оружия. К ним относились и расходы, связанные с производством учебных сборов, расходы по ученой и учебной частям, сооружение и ремонт зданий [1].

ГАУ также предложило открыть финансирование для устройства химико-механической лаборатории артиллерийского ведомства [1, с. 1357].

В последний мирный 1913 год депутат-кадет, врач по специальности, Андрей Шингарев говорил не только о протекционизме. Он рассуждал о возможностях и потребностях отечественного производителя: «Химическая промышленность — это основа всей промышленности. Вы знаете, что у нас сода обложена огромным налогом.

Вы знаете, что у нас сода стоит от 1 рубля 24 к. до 1 рубля 20 к., а в Германии 60-70 копеек. Поэтому германская промышленность может успешно оперировать с этим основным дешевым продуктом» [2].

Следует отметить, что здесь речь шла о будущем главном военном противнике нашей страны. А сода представлялась как важный стратегический продукт.

Зачастую предпринимателям казалось, что купить что-то за границей и гораздо выгоднее, и качественнее. Вкладываться в разработку полезных ископаемых в своей стране далеко не всегда казалось правильным решением. Тот же Шингарев с горечью признавал, что «у нас в России растёт ввоз серного колчедана из Португалии и Норвегии, а наш отечественный уральский колчедан почти не обрабатывается. Для обработки серной кислоты мы ездим в Португалию и Малую Азию. Ввоз химических продуктов у нас 17 миллионов в 1909 г. дошел до 27 миллионов рублей вместе с парфюмерией в 1912 г.» [2, с. 991].

Несмотря на значительность указанных сумм, понятно, что духи, косметика и различные ароматизированные масла на обороноспособность России никак не влияли. Гораздо более актуальным вопросом являлась продовольственная безопасность.

В этот исторический период неурожаи в различных регионах государства случались регулярно. Для населения аграрной страны это было крайне болезненным. Во многом это негативное явление можно объяснить исключительно архаичными формами ведения сельского хозяйства. Земле требовались удобрения. В Европе это стали практиковать еще в первой половине XIX века, когда немецкий химик Юстус Либих сделал открытие. Оно заключалось в том, что растения можно выращивать на нейтральном грунте, лишенном гумуса и органики, питая их растворами химических элементов, совокупность которых и получила название «минеральные удобрения».

После этого прошло более 70 лет, но Россия так и не смогла добиться прорыва в этом жизненно важном для миллионов людей направлении. 14 марта 1914 г. докладчик сельскохозяйственной комиссии Государственной Думы Ипполит Рындовский с горечью признавал: «У нас до сих пор почти не организовано дело химического исследования состава туков, и произвести их анализ можно только в немногих лабораториях, далеко отстоящих от потребителей» [3].

Туковой тогда называлась промышленность, производящая различные минеральные удобрения (азотные, фосфорные, калийные и др.).

Последние две зимы перед войной через Думу прошел ряд военных законопроектов по военному министерству. Депутата от Новгородской губернии Эммануила Беннигсена несколько удивляло такое положение дел, когда весьма крупные партии оружия отправлялись нашим возможным союзникам. И это было тогда, когда и самой русской армии они бы явно не помешали. Так, на 160 тысяч рублей были закуплены батареи 75-миллиметровых орудий для Черногории и какое-то количество винтовок [4, с. 25].

При этом денег на научные разработки зачастую не хватало.

Начавшаяся Первая мировая война оказалась серьезной проверкой не только для людей и экономики, но и для науки и техники. При этом для некоторых чиновников она стала возможностью заработать деньги, незаконно обогатиться.

Эта война, подобно некой катастрофе, очень многое перевернула и перемешала в народной психологии, в национальном сознании, опрокинув традиционные представления о добре и зле, до этого казавшиеся незыблемыми. Наряду с героизмом и самопожертвованием действующей армии, война (и гораздо больше в тылу, среди запасных, интендантов и гражданских лиц) породила, своего рода, «военную психологию», выразившуюся в таких циничных формулах, как «война все спишет», «добро то, что обеспечивает успех». «Такая война должна очищать душу, а не осквернять ее», — с горечью замечала императрица 20 октября 1914 г. в письме к мужу, Николаю II [5, с. 503].

Ближайшее окружение императора наивно верило в то, что война с лозунгами «За освобождение славянства», «За проливы и Константинополь» сможет объединить русское общество. Но боевые действия приняли затяжной характер. Русские войска после первых успехов стали отступать. Особенно сложная ситуация сложилась на русско-германском фронте. Одним из самых страшных символов той эпохи стало использование воюющими странами химического оружия: отравляющих веществ. Благодаря своей химической промышленности, немцы начали использовать его как на своем Западном фронте (под Ипром), так и на Восточном (при осаде русской крепости Осовец). Из-за того, что в Первую мировую впервые стали впервые широко применяться отравляющие вещества, её иногда называют «войной химиков». Командование русской армии изначально отклонило предложение наладить выпуск отравляющих веществ, мотивируя это этическими соображениями. Однако немецкое руководство подобной щепетильностью не отличалось.

Управляющий Военным Министерством Алексей Поливанов 19 июля 1915 г. рассказал депутатам Думы о последствиях для русских частей от немецкой газовой атаки: «В ночь с 23 на 24 июня один из сибирских стрелковых полков подвергся атаке удушливым газом, продолжавшейся два с половиной часа.

К 2 часам ночи защитники позиций участка полка уже лежали около своих мест в окопах или мертвыми, или же беспомощно больными, с небольшими признаками жизни. Только редкие люди, совершенно случайно спасшиеся от этих страшных газов, бегали по окопам, поддерживая редкую стрельбу, стараясь сознательно показать врагу, что позиция занята довольно прочно» [6].

Русские солдаты оказались совершенно не подготовлены к новым формам ведения войны. Отсутствие противогазов, по мнению руководства, могло компенсироваться мужеством, героизмом и стойкостью. Но всего этого было явно недостаточно. «Двинутые в это время две роты из резерва для занятия второй линии укрепления через полчаса потеряли умершими и больными около 2/3 своего состава, в том числе всех офицеров.

Между тем, удушливый газ, быстро распространившись по лесу, где на опушке находились остатки роты резерва и часть полка, стал здесь в чаще деревьев и кустов постепенно сгущаться. Последние героические защитники, ежесекундно, в мучениях, но без слов, с оружием в руках, падали на землю, навеки выходя из строя» [6, с. 13].

В Думе понимали, что необходимо предпринимать определенные действия. Некоторые депутаты сами пошли на фронт. Так, представитель Государственной Думы от Новгородской губернии Эммануил Беннигсен в это время активизировал свою работу в Красном Кресте. Она проходила, в основном, на передовой.

В августе—сентябре 1914 г. он находился при армиях Северо-Западного фронта (в период наступления русских армий в Восточной Пруссии), затем с сентября 1914 г. по июль 1915 г., при 9-й армии генерала П.А.Лечицкого (период Галицийской битвы, Варшавского и Лодзинского сражений, наступления в сторону Кракова, переброски армии на крайний левый фланг Юго-Западного фронта и боев в районе Днестра), а с августа 1915 г. по июль 1916 г. занимал должность главноуполномоченного при армиях Северо-Западного, а потом Западного фронтов (во время Свенцянского прорыва, боев у Молодечно, а также Нарочской и Барановичской операций) [4, с. 25-26].

Особое значение стали приобретать вопросы бесперебойного снабжения армии, в том числе противогазами. В июле 1915 г. фракция кадетов внесла в Думу законопроект об учреждении Главного управления по снабжению армии. Во главе управления предполагалось поставить главноуправляющего, причем

специально подчеркивалось, что должность главноуправляющего и его помощника совместимы со званием члена Государственной Думы и Государственного Совета.

В случае осуществления этого проекта снабжение армии уже не было бы целиком исключительной прерогативой военного министра, и оно могло перейти в ведение представителей Государственной Думы. Правительство это не устраивало, и был предпринят ответный шаг. На заседании Совета Министров представленный кадетский законопроект был признан «по существу неправильным», а в Государственную Думу было направлено составленное военным министром «Положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства». [5, с. 513].

Правительственный законопроект шел гораздо дальше законопроекта фракции кадетов. В состав Совещания предполагалось включить, помимо представителей ведомств и законодательных палат, членов Центрального военно-промышленного комитета и Союзов земств и городов. Однако вся исполнительная власть по-прежнему оставалась в руках военного министра, а Совещание обладало только правом совещательного голоса.[5, с. 513].

Перед депутатами министры расписывали ужасы химической войны, ее не гуманность и неприятие подобных действий со стороны мирового сообщества. Так министр иностранных дел С.Д.Сазонов особо подчеркнул, что «чудовищные способы ведения войны, применяемые Германией, не останавливающейся ни перед массовым отравлением наших воинов, ни перед истреблением невинных жертв: женщин, детей и прочих мирных граждан, не могли не вызвать чувства справедливого отвращения и гнева в нейтральных странах.

Крайнее возмущение по этому поводу замечается в равной мере и за океаном» [6, с. 13].

На второй год войны в Думе оставались депутаты, которые считали, что «единодушие народов» России является лучшим средством против химического оружия. Представитель Тульской губернии, член фракции правых граф Владимир Бобринский до войны, как ярый славянофил, активно финансировал русскую прессу в Австро-Венгрии (Вене, Львове и Черновцах). В 1915 году он заявил: «Господа! Вспоминаются мне слова Гинденбурга о том, что победит тот народ, у которого окажутся сильнее нервы.

Против нервов, против канатных нервов, действительно нужно иметь канатные нервы, чтобы изобрести удушливые газы, чтобы расстреливать и прикалывать женщин и детей, против этих канатных нервов мы выставим иное, мы выставим единодушие всех народов, населяющих наше государство» [6, с. 71].

Так же эмоционально выступал представлявший Иркутскую губернию социал-демократ, меньшевик-оборонец Иван Маньков: «Все ужасы войны мне удалось наблюдать самому. Я видел умирающих от отравления удушливыми газами, я видел сотни только что подобранных с поля битвы раненых, я видел целые толпы крестьянских семей, бегущих ночью от своих родных полей, от своего объятых пламенем крова.

Всех ужасов, выпавших на долю нашего народа, перечесать нет возможности.[6, с. 153].

Против нового оружия требовались противогазы. Было необходимо дать армии специалистов для ведения новой страшной войны: химической. Депутат Анатолий Савенко до своего избрания в Думу широко зарекомендовал себя как общественный и политический деятель, писатель, публицист и журналист. Активно публиковался в националистической прессе. На первый взгляд именно он был должен всячески приветствовать и поддерживать любые решения властей. Однако и он поведал о вопиющем случае: «Когда в Киеве учреждены были комитеты для изготовления противогазовых повязок, противогазов, об этом было запрещено писать. Когда обратились за разъяснением и стали просить: разрешите, ведь мы стремимся помочь нашим воинам, военный цензор ответил: ни в каком случае, — германцы не должны знать, что мы принимаем меры борьбы с газами.[6, с. 102].

В любом случае решить все имеющиеся проблемы силами одной общественности, в частности, земств, было явно недостаточным. Требовалась серьезная государственная поддержка, в первую очередь, в вопросе подготовки квалифицированных специалистов. Министр торговли и промышленности Всеволод Шаховской признал, что необходимость реформы образования, в том числе химического, в значительной степени вызвана войной: «Война не оставила незатронутой и область нашего профессионального образования, принудив ведомство к особенно напряженной деятельности в этой области, предъявив целый ряд новых непредвиденных требований и выдвинув новые запросы жизни, подлежащие в одной части немедленно удовлетворению, а в другой — удовлетворению по окончании войны. Этот предстоящий мирный период требует особенно внимательного к себе отношения» [7].

Первые работы по производству отравляющих веществ в России начались лишь в 1916 г. Этим вопросом занимались ученые Томского университета. При этом русские химики работали как для фронта, так и тыла: «Впервые добытый в России йод изготовлен Екатеринославским горным институтом. Киевский и Петроградский политехнические институты, Петроградский горный и Московский коммерческий институты оказали весьма ценные услуги в работах на оборону. При некоторых технических и горных учебных заведениях открыты специальные курсы для подготовки технического персонала для нужд военного времени» [7, с. 3755].

Война показала, насколько страна страдала от недостатка технически подготовленных работников, требовалось принимать самые энергичные меры к подготовке новых технических специалистов, в частности, химиков. Вывод министра из его выступления перед думами был следующим: «Без такого подготовленного персонала, как показал опыт нынешней войны, промышленность развиваться успешно не может.

Оставаясь верным своему основному принципу привлекать в возможно большем разmere в дело профессионального образования местные средства, ведомство считает, что техническое образование не может

надлежащим образом развиваться, если на это дело не будут отпускаться значительные средства и государством. Государство не может и не должно жалеть средств на техническое образование в стране, ибо средства, затраченные на это дело, сторицей вернутся государству в результате развития производительных сил страны». [7, с. 3755].

Депутат Алексей Станиславский по роду своей деятельности был весьма далек от проблем высшей школы. Но этот священник из Харьковской губернии всячески подчёркивал важность развития отечественных технических институтов: «Пора нашему правительству встать на путь деловой в деле всестороннего профессионального образования, в деле развития техники промышленности, ибо только при этом условии возможно развитие всех производительных сил страны, возможно достижение экономической мощи и того политического величия России, при котором не страшен ей будет никакой враг». [7, с. 3789].

16 апреля 1916 г. совещание Государственной Думы предложило передать в профильную комиссию законопроект, внесенный министром Торговли и промышленности «Об учреждении в составе Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого химического отделения». [7, с. 4363].

Но это важное решение запоздало. Несмотря на то, что уже с 1915 года химическое оружие стало широко применяться на фронтах, Россия оказалась к этому практически не готова. Лишь летом 1916 г., во время Брусиловского прорыва, русские войска использовали снаряды с отравляющими веществами. Это был единственный случай в истории русской армии.

1. Лотман Государственная дума. Третий созыв. Сессия III. 1910 г. Стенографические отчеты. СПб. 1910. С. 1357.
2. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия I. 1913 г. Стенографические отчеты. СПб. 1913. С. 991.
3. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия II. 1914 г. Стенографические отчеты. СПб. 1914. С. 1805.
4. Ковалев Б.Н. Эммануил Беннигсен: Октябрист из Красного Креста. Великий Новгород, 2018, 32 с.
5. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. Челябинск, 2010. 624 с.
6. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915 г. Стенографические отчеты. Пг. 1915. С. 13.
7. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. 1916 г. Стенографические отчеты. Пг. 1916. С. 3755.

References

1. Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Sessiya III. 1910 g. Stenograficheskie otchety [The State Duma. The third convocation. Session III, 1910, Verbatim records]. St. Petersburg, 1910, p. 1357.
2. Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1913 g. Stenograficheskie otchety [The State Duma. The fourth convocation. Session I, 1913, Verbatim records]. St. Petersburg, 1913, p. 991.
3. Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Sessiya II. 1914 g. Stenograficheskie otchety [The State Duma. The fourth convocation. Session II, 1914, Verbatim records]. St. Petersburg, 1914, p. 1805.
4. Kovalev B.N. Ehmmanuil Bennigsen: Oktyabrist iz Krasnogo Kresta [Emmanuel Bennigsen: An Octobrist of the Red Cross]. Velikiy Novgorod, 2018. 32 p.
5. Smirnov A.F. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii [The State Duma of the Russian Empire]. Chelyabinsk, 2010. 624 p.
6. Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Sessiya IV. 1915 g. Stenograficheskie otchety [The State Duma. The fourth convocation. Session IV, 1915, Verbatim records]. Petrograd, 1915, p. 13.
7. Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Sessiya IV. 1916 g. Stenograficheskie otchety [The State Duma. The fourth convocation. Session IV, 1916, Verbatim records]. Petrograd, 1916, p. 3755.

Kovalev.B.N. Problems of chemical industry development and war crimes in the discussions of the State Duma of the Russian Empire. The role of chemistry as a science and the prospects for the possible development of Russian chemical industry was repeatedly discussed at the sessions of the State Duma of the Russian Empire. At the beginning of the 20th century the close relationship between science and production played a special role in the life of society. Many defense officials understood that the coming war would be very different from what it was like before. Not only people, but also fundamentally new technologies would shape the future. That is why the more active use of scientific findings was an issue under frequent discussion. One of the most terrible symbols of that era was the use of chemical weapons — poisonous substances — by the belligerent countries. Despite the fact that since 1915 chemical weapons had been widely used on the fronts, Russia had been virtually unprepared for this. The country experienced an acute shortage of specialists in that sphere.

Keywords: State Duma of the Russian Empire, World War I, chemical industry, war crimes, polytechnic education.

Сведения об авторе: Б.Н.Ковалев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник; Санкт-Петербургский институт истории РАН; bnkov@mail.ru

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.08.2018.